

DOI: 10.12731/2077-1770-2019-2-156-172

УДК 316.37

**ЯЗЫКОВАЯ ПОТРЕБНОСТЬ В СТРУКТУРЕ ЯЗЫКОВОЙ
ЛИЧНОСТИ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ РАКУРС***Сахарова А.В., Смирнова Е.Л.*

Цель. В статье анализируется языковая потребность как элемент структуры языковой личности. Сущность языковой личности понимается как единство социально-онтологической базы (языковое сообщество со сложившейся системой знаково-символических кодов (языком) и набором средств социальной коммуникации), универсальных речемыслительных механизмов и индивидуального языкового сознания. Цель работы – рассмотрение языковой потребности, не сводимой только к ее коммуникативному аспекту.

Методы. При написании работы использовались междисциплинарный, деятельностный и аксиологический подходы.

Результаты. Потребность в языке рассмотрена в следующих аспектах: язык как инструмент самоидентификации и как источник положительных переживаний. Потребность в языке как в способе конструирования идентичности (социальной, этнической, национально-культурной) наиболее отчетливо осознается языковой личностью в условиях социальной конкуренции, обострения социальных противоречий. Объективные условия задают диапазон сценариев речевого поведения с точки зрения его ценности для личности. Потребность в языке как в источнике положительных переживаний отражает тесную взаимосвязь речемыслительных процессов с эмоционально-чувственной сферой человеческой личности. Индивидуальная специфика удовлетворения этой потребности обусловлена социальным запросом на способы самовыражения языковой личности.

Область применения результатов. Рассмотрение языковой потребности позволяет углубить представление о структуре языковой личности, прежде всего в ее мотивационно-ценностной сфере.

Такой подход дает возможность выявить некоторые механизмы формирования языковых предпочтений личности, сценариев речевого поведения, социальные факторы, обуславливающие этот персональный выбор. Соответственно, результаты исследования могут быть использованы при разработке современных психолого-педагогических подходов к формированию языковой личности (вторичной языковой личности), выстраиванию локального языкового пространства (например, учебных заведений, городских сообществ), благоприятного для языковой социализации.

Ключевые слова: языковая потребность; языковая личность; языковое сознание; социальная идентичность; этническая самоидентификация; диглоссия; информационное общество.

THE LANGUAGE NEED IN THE STRUCTURE OF THE LANGUAGE PERSONALITY: SOCIAL-PHILOSOPHICAL PERSPECTIVE

Sakharova A.V., Smirnova E.L.

Purpose. *The article analyses the language need as an element of the structure of the language personality. The essence of the language personality is understood as the unity of the socio-ontological base (linguistic community with the existing system of symbolic codes (language) and a set of means of social communication), universal speech-thinking mechanisms and individual linguistic consciousness. The aim of the work is to consider the language need, which is not limited to its communicative aspect.*

Methodology. *While the article was being written such approaches were used as: interdisciplinary approach, activity approach; axiological approach.*

Results. *The need for language is considered in the following aspects: language as a tool of self-identification and as a source of positive experience. The need for language as a way of constructing identity (social, ethnic, national-cultural) is most clearly realized in the conditions of*

social competition, aggravation of social contradictions. The objective conditions set the range of scenarios of verbal behavior from the point of view of its value for the individual. The need for language as a source of positive experience reflects the close relationship of speech-thinking processes with the emotional and sensual sphere of the human personality. Individual specificity for this need's satisfaction is caused by social demand for ways of self-expression of the language personality.

Practical implications. *Consideration of the language need as the complex of needs provides a deeper insight into the structure of language personality, first of all, its motivational value sphere. This approach makes it possible to identify some mechanisms of formation of language preferences of the individual, scenarios of speech behavior, social factors which determine this personal choice.*

Keywords: *language need; language personality; language consciousness; social identity; ethnic self-identification; diglossia; information society.*

Введение

Современный мир предъявляет серьезные вызовы человеку как субъекту социальной реальности. Одной из наиболее актуальных проблем является сохранение и воспроизведение форм социальной, способствующих поддержанию конструктивного коммуникативного взаимодействия между членами общества. Безусловно, важное значение в этом процессе принадлежит языку и его носителю. Языковая личность (ЯЛ) как социально-культурный феномен продолжает оставаться с фокусе внимания научных исследований. Дискуссионность ее трактовки обусловлена как сложностью самого предмета обсуждения, так и разнообразием научных подходов (лингвистического, коммуникативного, психологического, философского) [9; 16; 18].

Особенно востребованным является формирование субъекта языковой деятельности как целостной личности, способной к активному творческому освоению языка и разносторонне реализующейся в различных видах речевой деятельности. Выход данной проблемы за рамки лингвистического поля исследований на уровень

метатеории неизбежно подводит к необходимости изучения феномена ЯЛ в более широкой, социально-философской, перспективе.

Значимость социально-философского ракурса рассматриваемого вопроса особенно остро воспринимается в контексте некоторых аспектов языковой политики в современной России, в частности, многочисленных дискуссий по поводу латинизации татарского алфавита и попыток практического осуществления этого перехода.

Содержательное наполнение понятия «языковая личность» неразрывно связано с обоснованием структуры ЯЛ. В некоторых из них (например, модель Ю.Н. Караулова [8]) структура ЯЛ представлена как иерархия уровней развертывания языковой способности, в других (например, лингвокультурологическая модель В.И. Карасика [7], психологические концепции речевой деятельности Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурии, С.Л. Рубинштейна) – как единство речевой деятельности и речевой организации человека. Уделяя особое внимание именно последней в структуре ЯЛ, А.Н. Портнов отмечал следующее: «Базовый, или субстратный уровень образуют не отдельные лексемы (как, например, полагает Ю.Н. Караулов) и даже не совокупность фонетических, словообразовательных, лексических, грамматических, прагматических значений и моделей языка, усвоенного конкретной личностью. В нашем понимании, субстрат языковой личности – это универсальные для всего человечества речемыслительные механизмы, над которыми надстраивается совокупность вышеупомянутых моделей, присущих всем носителям национального языка» [12, с. 159].

Представляется, что обращение к более детальному рассмотрению базового уровня ЯЛ невозможно без включения в него такого компонента, как языковая потребность. При этом речь не идет только лишь о коммуникативной потребности, т.е. направленности носителя языка на «коммуникативные условия, на участников общения, языковой коллектив, носителей культуры» [7, с. 7].

Цель работы заключается в том, чтобы проанализировать содержание потребности в языке как одной из фундаментальных социальных потребностей человека и показать, каким образом в процессе

реализации языковой потребности осуществляется взаимодействие языка, языковой личности и социума (языкового сообщества).

Материалы и методы исследования

Как уже отмечалось, в научной литературе (прежде всего, в социолингвистике и социологии) накоплен богатый эмпирический материал (функционирование языка в конкретной социально-культурной среде), который нуждается в более широком – социально-философском – обобщении. При раскрытии заявленной темы использовались: междисциплинарный подход, позволяющий интегрировать данные, полученные в различных сферах социальных исследований; деятельностный подход, с позиций которого языковая потребность рассматривается как фактор становления ЯЛ, аксиологический подход, позволяющий выявить связь между языковой потребностью и сферой ценностей ЯЛ.

Результаты

Психологические исследования развития языковой способности в онтогенезе дают основания полагать, что потребность в ее актуализации не сводится лишь к усвоению коммуникативных сигналов. По мнению А.М. Лобка, в процессе освоения ребенком языка невозможно выявить причины, по которым то или иное слово вызывает его интерес, поскольку его потребность в языке не сводится только к сигнальной коммуникации, а удовлетворяется в направлении освоения смыслов: «... язык для ребенка – это не средство общения, а некоторая самостоятельная и самозначимая культурная реальность» [10, с. 140]. Эта же идея была высказана еще классиком языкознания, выдающимся немецким лингвистом В. фон Гумбольдтом. «Язык, – писал он, – происходит вследствие внутренней потребности человечества, а не внешней только надобности – поддерживать общественные сношения» [6, с. 55].

Глубинные процессы взаимодействия языка как инструмента социализации и инкультурации индивида и личности его носителя стали предметом устойчивого интереса в сфере лингвистических исследований.

Если обратиться к отечественным традициям изучения данной проблемы, то, прежде всего, стоит сослаться на труды А.А. Потебни. Одним из первых в XIX веке он начал применять культурно-исторический подход при анализе психики человека. Задаваясь вопросом «Как я, один из многих, стал таким?», выдающийся российский языковед обосновывал положение о том, что именно овладение языком необходимо для осознания эстетических и нравственных ценностей [6, с. 425–427].

Активные дискуссии о специфике социальности языка приходятся на советский период развития языкознания. Сам по себе социальный характер языка не вызывал споров. Опираясь на обширный материал, посвященный проблемам социологии языка, как зарубежной, так и отечественной, советские ученые положили начало изучению ряда конкретных и весьма актуальных в сложившихся исторических условиях социолингвистических проблем – языковая политика, территориальные диалекты и т.п.

Вместе с тем, отчетливо обозначившаяся во второй половине XX века антропоцентрическая парадигма развития лингвистики, философии, социологии и других наук обусловила обращение к личности носителя языка. В этой связи следует отметить особый интерес к изучению языковой потребности, который как в отечественных, так и в зарубежных исследованиях обозначился в 90-е годы XX века (Л.Ж. Кальве, А. Буае, А. Вио, С.А. Москвичева, Т.Д. Марцинковская).

В западной социолингвистике было предложено несколько моделей описания социолингвистических ситуаций, положенных в основу определения потребности в языке: гравитационная модель Л.-Ж. Кальве, теория функционального круга Л. Арасиля и Д. Исто-на, а также несколько отличный от нее вариант – теория А. Вио и А. Буае [5, с. 16–18]. Не останавливаясь подробно на их рассмотрении, отметим следующее. Если в первой модели основным фактором стабильности языка признается его естественное функционирование как инструмента коммуникации, то вторая делает упор на такие социальные факторы, как языковая политика и языковое планирование.

Важным результатом изучения языковой потребности является более углубленный подход к ее структуре, осмысление фундаментальной связи между языком, его носителем и социумом, воплощаемой в конкретных социокультурных и исторических ситуациях. Многочисленные эмпирические данные свидетельствуют о том, что коммуникативная потребность в языке не исчерпывает весь комплекс языковых потребностей.

Потребность в языке как в способе самоидентификации

Прежде всего следует остановиться на потребности в языке как инструменте конструирования идентичности ЯЛ. И в этом плане удовлетворение языковой потребности можно рассматривать в разных аспектах, например, через призму формирования социальной, этнической, национально-культурной идентичности.

Потребность в языке как средстве конструирования социальной идентичности особенно отчетливо проявляется в условиях, когда лингвистический ресурс может быть использован для достижения персонального успеха (уважение со стороны окружающих, карьерный рост, «пропуск» в референтное сообщество). П. Бурдьё приводит ряд примеров (школьные экзамены, собеседования перед приемом на работу), показывающих, что «языковые характеристики в огромной мере влияют на школьные успехи, увеличивают шансы быть принятым на работу, способствуют профессиональному росту, позволяют надеяться на более внимательное отношение со стороны врачей (которые охотнее прислушиваются к пациентам из буржуазной среды и их речам и, в частности, ставят им более обнадеживающие диагнозы) и вообще в большей мере располагают слушающих к тому, чтобы сотрудничать с говорящими, помогать им и верить предоставляемой ими информации [3, с. 26]. Применительно ко второй ЯЛ можно говорить об удовлетворении инструментальной потребности освоения иностранного языка (например, английского как современного *lingua franca*) как способа расширения своих профессиональных возможностей. Потребность в использовании языка с целью повышения социального статуса может выразить-

ся в строгом следовании официально легитимированной языковой норме; в принятии в качестве персональных тех лингвистических ценностей, которые признаны в данном языковом сообществе; в укреплении тенденции искусственного билингвизма.

Многочисленные современные исследования малых и миноритарных языков показывают актуальность удовлетворения потребности в языке как способе обеспечения связи с этносом (*этническая самоидентификация*). «Общность языка, – пишут Э. Балибар и Э. Валлерстайн – привязывает индивидов к источнику, который в любой момент может быть активизирован, который содержит в себе общее действие обмена, дискурсивного общения между этими индивидами» [1, с. 104]. При этом удаленность носителей языка друг от друга не снижает его персональной значимости, а, напротив, при определенных обстоятельствах может усиливать ее.

Можно выделить ряд объективных факторов, способствующих закреплению потребности в языке как средстве этнической самоидентификации. К ним относятся: 1) угроза ассимиляции и утраты этнических ценностей, 2) обострение межнациональных конфликтов, 3) многонациональная, поликультурная среда.

Исследования, проводимые как в многонациональном культурном пространстве современной России, так и в других полилингвальных культурах, позволяют заключить, что в отношении к языку как к культурно-этнической ценности прагматический смысл уходит на второй план, уступая место смыслу духовно-символическому [18; 20; 21]. Как отмечают, например, авторы одного из исследований марийского языка, он выступает как этнический язык, выполняющий «роль символа единения с народом» [2, с. 155] (этническая ценность), и как родной (материнский) язык – язык матери, первый выученный язык. Об этом же свидетельствуют и наблюдения ученых за использованием жителей Момбасы (столица Кении) двух разновидностей суахили – стандартного и «Момбаса суахили». Если первый воспринимается как язык делового общения и инструмент повышения социального статуса, то второй – как символ местного самосознания и поэзии [4, с. 90–91].

Вместе с тем, как показывает, например, тенденция латинизации алфавита в современном Татарстане, потребность в языке как средстве этнической самоидентификации может реализовываться весьма противоречиво. Речь идет об очередной реформе графики татарского алфавита (четвертая попытка) на основе латиницы, начавшейся в постсоветский период. Сама эта политика, завершившаяся на данном этапе законом о допустимости использования латиницы и арабицы при обращении граждан в государственные органы и латиницы при транслитерации, вызывала активные дискуссии в языковом сообществе.

Сторонники такого перехода апеллируют к лингвистическим и технологическим аргументам. В частности, указывается полезность как для татарского, так и для русского языков разграничения их сильно различающихся фонетических систем [17, с. 14]. Однако более многочисленны доводы другого свойства. В обобщенном виде они могут быть сведены к одному: «татарский язык, должен войти в компьютерные технологии как язык накопления, обработки и передачи информации» [17, с. 14]. Указанная позиция отражает отчетливый сдвиг современных стран в сторону ценностей западной цивилизации, дистанцирование государств на постсоветском пространстве от «русского мира». Внутри же самой России подобные реформы, по мнению оппонентов указанной ранее позиции, переход на латиницу чреват изоляцией от других народов РФ [15, с. 2].

Представляется, что в случае реализации такого перехода существует угроза и для самих носителей татарского языка, представителей языкового общества с богатым литературным и культурным наследием. С точки зрения социальных последствий это может «спровоцировать отчуждение и так поглощенного глобализацией молодого поколения» [15, с. 2]. С точки зрения формирования потребности в языке как средстве этнической самоидентификации, создать предпосылки для глубинного внутреннего раскола ЯЛ, обусловленного противоречием между самоценностью языка родного народа и культуры и инструментальным характером его использования (как средство встраивания в глобальную сеть).

*Потребность в языке как в источнике
положительных эмоциональных переживаний*

Фундаментальное положение о том, что язык играет главную роль в осознании индивидом себя как части своего народа, было сформулировано А.А. Потебней. Уметь говорить, по сути, это значит связать свою мысль с мышлением своего народа. Овладение языком он обуславливал, с одной стороны, развитием самонаблюдения как следствия ослабления чувственного напряжения и возникновения «сознания звука», а, с другой, социализацией индивидуумов, позволяющей перейти к ассоциациям звуков и испытанию понятности их на других людях, т.е. достижение «сознания содержания мысли в звуке» [14, с. 97].

В герменевтическом подходе Г.Г. Шпета акцент с когнитивной составляющей смещается на эмоциональное отношение к предмету, зафиксированное во внутренней форме слова. Именно эмоции он рассматривал как важнейший инструмент включения человека в культурное пространство. Ссылаясь на мысль В. фон Гумбольдта о возникновении языка «не столько из необходимости взаимной помощи..., сколько из потребностей свободной человеческой общительности», Шпет дает следующий комментарий: «В отличие от чисто утилитарного толкования языка, эта характеристика охватывает его не только в его прагматических, но и в искони поэтических функциях. Человек – поющее животное изначально...» [23, с. 84].

Потребность в языке как в источнике положительных эмоциональных переживаний может субъективно проявляться, например, в эмоционально окрашенном отношении к отдельным языковым явлениям с точки зрения их красоты или безобразности; в признании языковой нормы и следовании ей при умении творчески преобразовывать, играть с ней, не теряя языкового вкуса; в наличии в системе языковых ценностей лингвистического идеала как эталона языка, сложившегося на базе национальной языковой и речевой культуры.

Объективные факторы, способствующие запуску механизма потребности в языке как в источнике положительных эмоциональных переживаний, относятся к истории становления языка как культурного феномена. Истоки этого отношения уходят в глубины

мифологического сознания с присущей ему неконвенциональной трактовкой знака, что выражалось в магической функции языка (священное слово как обозначающее совпадает с обозначаемым), и эстетической функции – переживании красоты его звучания. «С точки зрения психологии и семиотики, неконвенциональная трактовка знака в сакральном тексте предстает как иррациональное и субъективно-пристрастное отношение к слову. Это роднит религиозное восприятие священного слова и художественное (эстетическое) отношение к речи» [11, с. 44], – отмечает Н.Б. Мечковская.

У Р.О. Якобсона встречаем мысль о том, что особенность поэтической функции языка в том, что она предполагает «интровертивное отношение к вербальным знакам как единству означающего и означаемого» [25, с. 154]. Отсюда утверждение Якобсона о том, что поэтическая функция языка проявляется в речи любого человека с раннего детства и играет ведущую роль в построении диалога, а каждый речевой акт в некотором смысле стилизует и преобразует описываемое им событие. «Поэтичность – это не просто дополнение речи риторическими украшениями, а общая переоценка речи и всех ее компонентов» [24, с. 228].

Исторически зародившаяся в недрах мифологического сознания, в современном обществе эмоционально-поэтическая ценность языка, сохраняется главным образом в сфере литературно-художественного творчества. Потребность ЯЛ в языке как в источнике положительных эмоциональных переживаний удовлетворяется благодаря развитию восприимчивости к выразительности языковой формы, тонкой семантической дифференциации. Актуальность этой потребности во многом обусловлена индивидуально-психологическими особенностями ЯЛ и лингвистическими ценностями, культивируемыми в ее ближайшем окружении, но, в целом, регулируется социально-культурной ситуацией в обществе.

Характерное для информационного общества отсутствие отчетливо артикулированного и поддержанного языковым сообществом социального запроса на воспроизводство эстетической ценности языка не способствует ее формированию в индивидуальной ценностной структуре ЯЛ. Объективно это предопределила произошедшая

к концу XX столетия утрата языком художественной литературы нормотворческой значимости и переход этой функции к средствам масс-медиа. Доминирование устного дискурса, редуцированность форм экспресс – сообщений, передаваемых с помощью средств массовой коммуникации, обусловили распространение такого явления, как десемантизация лексики, проявляющегося в утрате языком чувствительности к нюансам. «Нюансировка смысла, – отмечает Г. Хазагеров, – чаще всего передается контекстуально, прежде всего паралингвистически. Большая часть жаргонных слов, а тем более втянутая сегодня в общественное пространство нецензурная лексика вне контекста обладает исключительно обобщенным значением» [19, с. 56].

Вывод

Таким образом, языковая потребность не сводится к коммуникативной потребности, а включает в себя целый комплекс потребностей, отражающих взаимосвязь социально-культурных приоритетов в сфере языкового общения и личностной иерархии ценностей.

В качестве самостоятельных составляющих языковой потребности можно выделить потребность в языке как в способе самоидентификации и потребность в языке как источнике эмоциональных переживаний. Первая из указанных потребностей может иметь как инструментальную функцию (использование языка как средства достижения определенной социальной позиции, получения профессии), так и духовно-символическую (объединение через язык этносом, нацией). Вторая связана с глубинными историческими корнями человечества в целом, но ее актуализация во многом детерминирована социально-культурными особенностями общества.

Список литературы

1. Балибар Э., Валлерстайн Э. Раса, нация, класс. Двусмысленная идентичность. [Пер. с фр.] М.: Логос, 2004. 288 с.
2. Борисов Р.В. Диалог языка и этнической идентичности в поликультурном образовательном пространстве // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 299. С. 154–157.

3. Бурдьё П. О производстве легитимного языка // Отечественные записки. 2005, № 2(23). С. 146–174.
4. Вахтин Н.Б., Головкин Е.В. Социология и социолингвистика языка. СПб: Издательский центр «Гуманитарная Академия» Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2004. 336 с.
5. Вио А., Москвичева С.А. Типология потребностей в малых и миноритарных языках: общеметодологические и частнонаучные подходы // Вестник РУДН. Сер. Психология и педагогика. 2012. № 1. С. 14–21.
6. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. [Пер. с нем.] М.: Прогресс, 2000. 400 с.
7. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: ГНОЗИС, 2004. 477 с.
8. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.
9. Колыхалова О.А. Социокультурные и философские аспекты билингвизма: Автореф. дис. ... канд. фил. наук. М., 1999. 44 с.
10. Лобок А. Антропология мифа. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1997. 688 с.
11. Мечковская Н.Б. Язык и религия. Лекции по филологии и истории религий. М.: Агентство «ФАИР», 1998. 352 с.
12. Портнов А.Н. Языковое сознание и языковая личность Мартина Хайдеггера (опыт реконструкции) // Вестник гуманитарного факультета ИГХТУ. 2006. № 1. С. 157–172.
13. Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М.: Искусство, 1976. 613 с.
14. Потебня А.А. Слово и миф. М.: Правда, 1989. 624 с.
15. Сайфутдинова Г.Б. Особенности опыта латинизации (на примере республики Татарстан) // Ученые записки Тамбовского отделения РoCМУ. 2015. № 3. С. 3–6.
16. Сахарова А.В. Формирование языковой личности: социально-философский аспект: дис. ... канд. филос. наук. Иваново, 2017. 181 с.
17. Сулейманов Д. Об алфавитах тюркских языков // Concorde. 2017. № 3. С. 11–22.
18. Тезич М.Дж. Национальный язык как ресурс конструирования этнической идентичности в молодежной среде на примере республики Бурятия // Общество. 2013. № 4. С. 145–149.

19. Хазагеров Г.Г. Проблемы языковой нормы в свете понятия «красивого», «возвышенного» и «эффективного»: к типологии нормы // Язык в прагматическом аспекте: экспрессивная стилистика, риторика. Межвузовский сборник научных трудов. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 2003. С. 55–64.
20. Шабает Ю.П., Айбабина Е.А., Денисенко В.Н., Шилов Н.В. Дискуссии о языковой политике в регионах проживания финно-угров РФ // Этнографическое обозрение. 2009. № 2. С. 92–195.
21. Шабыков В.И., Кудрявцева Р.А., Казанцев Д.Е. Язык как этническая ценность (к вопросу об этнической природе общественного сознания населения республики Марий Эл в начале 2010-х годов) // Исторические, политические, юридические науки, культурология и искусствоведение. Тамбов. Грамота. 2014. № 8. С. 204–207.
22. Шмелева Ж.Н. Социально-философский анализ эволюции проблемы языка (информационно-коммуникативный аспект): Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Иркутск, 2007. 24 с.
23. Шпет Г.Г. Психология социального бытия. М. Воронеж: Модэк, 1996. 497 с.
24. Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». Сб. статей М.: Прогресс, 1975. С. 193–230.
25. Якобсон Р. О. Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987. 464 с.

References

1. Balibar E., Vallerstajn E. *Rasa, natsiya, klass. Dvusmyslennaya identichnost'* [Race, nation, class. Ambiguous identity]. Moscow: Logos, 2004. 288 p. (In Russ.).
2. Borisov R.V. Dialog yazyka i etnicheskoy identichnosti v polikul'turnom obrazovatel'nom prostranstve [Dialogue of language and ethnic identity in the multicultural educational space]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk state University]. 2007, no. 299, pp. 154–157.
3. Burd'yë P. O proizvodstve legitimnogo yazyka [On the production of legitimate language]. *Otechestvennyye zapiski* [Domestic notes]. 2005, no. 2(23), pp. 146–174.

4. Vakhtin N.B., Golovko E.V. *Sotsiologiya i sotsiolingvistika yazyka* [Sociology and sociolinguistics of language]. St. Petersburg: Publishing center «Humanitarian Academy» European University in St. Petersburg, 2004. 336 p.
5. Viaut A., Moskvicheva S.A. Tipologiya potrebnostej v malych i minornitarnykh yazykakh [Typology of Needs in Small and Minority Languages: Generally-Methodological and Specifically-Scientific Approaches]. *Vestnik RUDN. Seriya «Psichologiya i pedagogika*. 2012. no 1, pp. 14–21.
6. Gumbol'dt V. fon. *Izbrannyye trudy po yazykoznaniiyu* [Selected works on linguistics]. Moscow: Progress, 2000. 400 p. (In Russ.).
7. Karasik V.I. *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Moscow: GNOSIS, 2004. 477 p.
8. Karaulov Yu.N. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and linguistic personality]. Moscow: Publishing house LKI, 2010. 264 p.
9. Kolykhalova O.A. *Sotsiokul'turnyye i filosofskiye aspekty bilingvizma* [Socio-cultural and philosophical aspects of bilingualism]. Ph. D. (Philology) Thesis. Moscow, 1999. 44 p.
10. Lobok A.M. *Antropologiya mifa* [Anthropology of myth]. Ekaterinburg: Bank of cultural information, 1997. 688 p.
11. Mechkovskaya N.B. *Yazyk i religiya. Lektsii po filologii i istorii religiy* [Language and religion. Lectures on Philology and history of religions]. Moscow: Agency «FAIR», 1998. 352 p.
12. Portnov A.N. Yazykovoye soznaniye i yazykovaya lichnost' Martina KHaydeggera (opyt rekonstruktsii) [Language consciousness and language personality of Martin Heidegger (reconstruction experience)]. *Vestnik gumanitarnogo fakul'teta IGKHTU* [Bulletin of the Humanities faculty of ISUCT]. 2006, no. 1. pp. 157–172.
13. Potebnya A.A. *Estetika i poetika* [Aesthetics and poetics]. M.:Art, 1976. 613 c.
14. Potebnya A.A. *Slovo i mif* [The word and the myth]. Moscow: Truth, 1989. 624 p.
15. Saifutdinova G.B. Osobennosti opyta latinizatsii (na primere respuliki Tatarstan) [Particularities of latinization experience. Case of republic of Tatarstan]. *Uchyonye zapiski Tambovskogo otdeleniya RoSMU* [Scientific notes of Tambov branch of RoSMU] 2015. № 3, pp. 3–6.

16. Sakharova A.V. *Formirovaniye yazykovoy lichnosti: sotsial'no-filosofskiy aspekt* [Formation of the language personality: social-philosophical aspect]. Ph. D. (Philosophy) diss. Ivanovo, 2017. 181 p.
17. Tezich M. Dzh. Natsional'nyy yazyk kak resurs konstruirovaniya etnicheskoy identichnosti v molodezhnoy srede na primere respubliky Buryatiya [National language as a resource for constructing ethnic identity among young people on the example of the Republic of Buryatia]. *Obshchestvo* [Society]. 2013, no. 4, pp. 145–149.
18. Khazagerov G.G. Problemy yazykovoy normy v svete ponyatiya «krasivogo», «vozvyshehnogo» i «effektivnogo»: k tipologii normy [Problems of linguistic norm in the light of the concept of «beautiful», «sublime» and «effective»: to the typology of norm] *Yazyk v pragmaticheskom aspekte: ekspressivnaya stilistika, ritorika* [Language in the pragmatic aspect: expressive stylistics, rhetoric]. Interuniversity collection of scientific works. Rostov-on-Don: Rostov University Press, 2003. pp. 55–64.
19. Shabayev Yu.P., Aybabina E.A., Denisenko V.N., Shilov N.V. Diskussii o yazykovoy politike v regionakh prozhivaniya finno-ugrov RF [Discussions on language policy in the regions of Finno-Ugric residence of the Russian Federation]. *Etnograficheskoye obozreniye* [Ethnographic review]. 2009, no. 2, pp. 92–195.
20. Shabykov V.I., Kudryavtseva R.A., Kazantsev D.E. Yazyk kak etnicheskaya tsennost' (k voprosu ob etnicheskoy prirode obshchestvennogo soznaniya naseleniya respubliky Mariy El v nachale 2010-kh godov) [Language as an ethnic value (on the ethnic nature of the public consciousness of the population of the Republic of Mari El in the early 2010s)]. *Istoricheskiye, politicheskiye, yuridicheskiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye* [Historical, political, legal Sciences, cultural studies and art history]. Tambov: Charter, 2014, no. 8, pp. 204–207.
21. Shmeleva ZH.N. *Sotsial'no-filosofskiy analiz evolyutsii problemy yazyka (informatsionno-kommunikativnyy aspekt)* [Socio-philosophical analysis of the evolution of the language problem (information and communication aspect)]. Ph. D. (Philosophy) Thesis. Irkutsk, 2007. 24 p.
22. Shpet G.G. *Psikhologiya sotsial'nogo bytiya* [Psychology of social life]. Voronezh: Modek, 1996. 497 p.

23. Suleimanov D. Ob alfavitach tyurksich yazykov [About turk languages alphabets]. *Concorde*. 2017. № 3, pp. 11–22.
24. Yakobson R.O. Lingvistika i poetika [Linguistics and poetics]. *Strukturalizm: «za» i «protiv»* [Structuralism: «for» and «against»]. A collection of articles. Moscow: Progress, 1975, pp. 193–230.
25. Yakobson R.O. *Raboty po poetike* [Works on poetics]. Moscow: Progress, 1987. 464 p.

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Сахарова Анна Владимировна, старший преподаватель, канд. фило-
лос. наук

*Государственный гуманитарно-технологический университет
ул. Зеленая, 22, Орехово-Зуево, Московская обл., 142611, Рос-
сийская Федерация
sakharova1984@inbox.ru*

Смирнова Елена Львовна, доцент, канд. филос. наук

*Ивановский государственный политехнический университет
Шереметевский проспект, 21, г. Иваново, Ивановская обл.,
153000, Российская Федерация*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Sakharova Anna Vladimirovna, Senior Lecturer, PhD in Philosophi-
cal Sciences

*State University of Humanities and Technology
22, Zelenaya Str., Orekhovo-Zuevo, Moscow Region, 142611, Rus-
sian Federation
sakharova1984@inbox.ru*

Smirnova Elena Lvovna, Associate Professor, PhD in Philosophical
Sciences

*Ivanovo State Politechnical University
21, Sheremetev Av., Ivanovo Region, 153000, Russian Federation
bere8nice@rambler.ru*